

ГЛАВА 1

Кошка бесшумно кралась по выступающему карнизу. В наступившей темноте она казалась угольно-черной, словно нарисованной тушью.

Я наблюдала за ней уже полчаса, потому что больше вокруг ничего не происходило. Сначала кошачий силуэт сидел неподвижно на крыше примыкавшего к зданию гаража, и мне даже показалось, что это чья-то забытая игрушка. Но когда припозднившийся житель соседнего дома хлопнул железной дверью подъезда, усатая горгулья вдруг ожила и вскочила на карниз старинного здания, за которым я уже четыре часа вела наблюдение.

В молчаливом ожидании все мысли мои были заняты предстоящим отпуском на тропических островах, куда я наконец нашла время выбраться. Еще неделя, и меня согреет жаркое южное солнце, а ночи я буду проводить не в засаде, а в шезлонге на веранде чудесного бунгало с коктейлем в руке. Яркие закаты, ласковый соленый океан, шум набегающих на песок океанских волн...

Я вздохнула и вернулась в реальность. В машине с каждым часом становилось все холоднее. Чтобы не привлекать к себе внимание, я не заводила ее и согревалась припасенным в термосе кофе. Ноги и спина ныли от долгого сидения.

Я попыталась усесться поудобнее и открутила крышечку термоса, чтобы налить себе напиток. Конечно, именно в этот момент смартфон, лежавший на пассажирском сиденье, внезапно ожил, неистово завибрировав.

От неожиданности я пролила горячий кофе себе на колени.

— Черт!

Пристроив термос в ногах, я схватила трубку.

— Танька? Не спишь? — раздался бодрый голос в динамике, когда я ответила на звонок.

— Кириянов! — возмутилась я. — Напугал до смерти! Когда это я спала в наблюдении?

— Шучу, — рассмеялся Владимир Сергеевич Кириянов — подполковник полиции и мой близкий друг. — Ну, что там у тебя? Глухо?

— Глухо пока, — ответила я, держа телефон плечом и пытаясь салфеткой оттереть пятно на джинсах, — если сегодня не объявится, надо будет что-то другое предпринять.

— Ну, звони, если что. Я на связи сегодня. Подскочим к тебе с ребятами.

— Ладно. Ты за этим позвонил?

— Не только. Ты вроде в отпуск собиралась? Надолго?

— Слетаю в жаркие страны и вернусь. А что?

— Хотел пожелать хорошего отдыха. Ты уже год пашешь. Не вздумай откладывать.

Я сделала глоток и улыбнулась:

— И не подумаю. Ни один преступник в Тарасове не заставит меня остаться. Ну разве что очень серьезный.

— Сплюнь.

— Да я не глазливая. Обещаю, что ничего не случится и через неделю я улечу на свои острова.

— Договорились. Ладно, паси дальше своего антикварного воришку.

Я положила телефон экраном вниз, чтобы он светом не привлекал ко мне внимание, и откинулась на сиденье.

К ночным наблюдениям я за годы своей работы так и не смогла привыкнуть. Холодно, неудобно, скучно. Словно снайпер, который сидит в засаде в ожидании жертвы.

В этот раз я наблюдала за антикварным магазинчиком «Зеленая лампа» — довольно известным в городе местом, где вся тарасовская богема и любители древностей выискивали старинные вещицы для своих интерьеров. Я и сама как-то приобрела здесь за бешеные деньги статуэтку, изображавшую танцующего пуделя, — в подарок своей подруге, помешавшейся на коллекционировании фарфоровых собачек.

Хозяйка магазина, почтенная дама преклонных лет, наняла меня после того, как заметила, что из магазина пропадают ценные вещи. Черета краж произошла сразу после ее недавнего развода, и поэтому Елена Васильевна подозревала бывшего мужа, так и не смирившегося с расставанием. Он изводил мою клиентку ежедневными звонками с упреками — мол, как может солидная женщина на пороге старости, имеющая дочь и, на секундочку, взрослого внука, которому нужно подавать нормальный пример, думать о какой-то там независимости и свободе. А один раз этот муж закатил скандал прямо в магазине и разбил какой-то ценный сервиз.

Кражи происходили часто, но нерегулярно. Я предложила заказчице спровоцировать негодяя, чтобы взять его с поличным.

По моей просьбе Елена Васильевна обзвонила всех знакомых с сообщением о том, что на три дня уезжает в Питер на выставку, а сама скрылась у подруги в загородном коттедже.

Осмотрев магазин, я поняла, что слабым местом его является рабочий вход со двора. Здесь имелось окно санузла, которое, хоть и располагалось высоко над землей, но было достаточно широким и незарешеченным. Магазин был оборудован сигнализацией, но, по словам хозяйки, она ни разу не сработала.

Две ночи я просидела перед задней дверью «Зеленой лампы» безрезультатно. Сегодня была последняя, после которой Елена Васильевна должна была «вернуться домой». Если воришка не проявится сегодня, надо будет думать над другими вариантами поимки — сидеть каждую ночь с кофе в припаркованной в кустах машине мне не улыбалось.

Мысли приняли негативное направление, но как раз в эту минуту я заметила какое-то движение у стены дома. В плохо освещенном дворе кто-то шел, старательно обходя редкие фонари.

Сонливость мою как рукой сняло. Хотя, может, это просто один из жильцов соседней хрущевки?

Фигура в джинсах и куртке с капюшоном тем временем уже была у двери магазинчика. Я напряглась — слишком худой, чтобы быть мужем заказчицы, но телосложение было явно мужским. Однако большего было не разглядеть. По моей просьбе фонарик над дверью не работал — чтобы злоумышленнику было комфортнее вершить свое черное дело.

Фигура замерла, оглядывая двор, а затем полезла в заросли сирени рядом с гаражом. Решив, что кто-то просто решил справить в кустах малую нужду, я было расстроилась. Но секунду спустя мужчина вылез из веток с большим ящиком, который он, еще раз оглядевшись, оставил прямо под окошком магазина.

— Это уже интереснее, — пробормотала я.

Свет единственного фонаря в этом углу двора не достигал того места, где располагался рабочий вход «Зеленой лампы». Мне даже не было толком видно, как злоумышленник взламывал окно. Но возился он недолго — видно, наловчился в предыдущие вылазки.

Еле слышно скрипнула рама. Фигура ловко проскользнула внутрь.

Я немедленно позвонила Кирьянову.

— Клиент внутри. Давайте быстрее, я покараулю.

— Да ты что? Проявился? Ну, высылаю бравых ребят, жди. Могут и сам подъехать, кстати.

— Ты же знаешь, я тебя всегда рада видеть.

Я вышла из машины, сжимая в руке пистолет Макарова. Тут без него было, пожалуй, не обойтись.

Окошко санузла было приоткрыто, но изнутри не доносилось ни звука. Работал «родственничек» чисто. Наловчился.

Пять минут прошло в ожидании, потом в окне показалась голова. Я тихонько отошла в тень сирени, чтобы не мешать герою довершить начатое и принять клиента, как говорится, тепленьким.

Вылезал он тяжелее, сопя и пофыркивая. Я поняла, что он тащил что-то тяжелое. Когда злодей

нащупал ногами ящик-подставку и встал на него, стало понятно, почему ему было неудобно — в проем он тянул пузатую вазу, сердито подбоченившуюся витыми ручками.

— Тебе помочь, дружище? — сказала я громко, решив, что пора обнаружить себя.

Вор испугался и, вскрикнув, рухнул на землю, обняв руками украденную ценность. Но тут же попытался вскочить, чтобы дать деру.

— Не заставляй меня стрелять — не хочу попасть в вазу, — сказала я, показав оружие.

Воришка грязно выругался, но дергаться не стал. В этот момент во двор въехала полицейская машина в синем ореоле проблесковых маячков. Оттуда высыпались ребята в форме, которые тут же кинулись вязать «клиента», и Кириянов, который не торопясь подошел ко мне.

— Ну что, тигрица, удачная охота?

— Как видишь. Только это не муж.

— А кто?

— Внук Костик. Девятнадцать лет.

— Внук любимой бабушки.

— Ага. Я еще после разговора с ней решила, что обиженный муж не стал бы заморачиваться на мелкие вещи, а украл бы в отместку что-то ценное и серьезное. А этот по мелочи таскал, надеясь, что старушка не заметит пропажи. Проверяла его — он игрок, денег задолжал.

— Ну, звони, обрадуй бабушку и дуй домой собирать чемоданы.

— Успеется. Самолет через неделю. Я лучше пока похожу по салонам, подготовлю родное тело к заморскому курорту.

— Вот это дело хорошее, — одобрительно хмыкнул Кирьянов, — надеюсь, никто твоим планам не помешает.

— Не бойся, не помешает. Конец августа. Все к школе готовятся. Даже убийцы и воры закупают для своих чад канцтовары. Сам знаешь — август у нас тихий и скучный месяц.

— Сплюнь.

Я позвонила Елене Васильевне и, сочувственно выслушав ее причитания, велела приехать к магазину. Мне было бесконечно жаль бедную женщину, души не чаявшую в единственном внуке, но Кирьянов был прав — мне нужно было отдохнуть. Я чувствовала, что усталость не отпускает меня, а голова соображает медленней. В последние недели я особенно плохо спала, совершенно вымоталась и мечтала только об одном — сесть в самолет и улететь туда, где я могу спать, не опасаясь, что меня разбудит пронзительная трель телефонного будильника.

Кирьянов попросил у меня кофе, и я разлила оставшийся в термосе напиток по двум пластиковым чашкам. Преступление для истинного кофемана, но на войне как на войне.

Небо над крышами стало голубеть. Вокруг стояла предутренняя тишина. Воришку Костика уже увезли в отделение. Только Кирьянов остался ждать приезда владелицы салона.

— Слушай, а почему сигнализация не сработала?

— Подозреваю, что кто-то в магазине ему помог. Будете допрашивать, узнайте, нет ли у него подружки среди продавщиц. Их тут две. Заканчивая работу, они ставят салон на сигнализацию. Подкупил, может. Или упросил.

— Во всем виноваты деньги, — пробормотал Владимир Сергеевич, со вкусом отхлебывая мой кофе, — вот ты подумай — из-за карточного долга жестоко обидеть любимую бабушку!

— Неужели тебя таким еще можно удивить? Деньги — основной мотив преступлений.

— Деньги и месть. Два единственных истинных мотива, — согласно покивал мой друг и вдруг, услышав звонок мобильного, нахмурился и полез во внутренний карман за телефоном.

— Кирьянов.

Несколько секунд Владимир Сергеевич слушал, и лицо его мрачнело все больше.

— Понял. Буду сейчас. Верни кого-нибудь из ребят сюда, на Чеховскую. Пусть дождутся приезда хозяйки и снимут показания.

— Что — труп? Возможно, криминал? По коням? — пошутила я, но Кирьянов моего веселья не поддержал.

— Сглазила ты все-таки, мать.

— Колись, что случилось?

— Убийство в Печерском переулке. Девушку за-резали на пороге ее квартиры.

— Ужас. И что, свидетелей нет?

Кирьянов строго взглянул на меня:

— Так. Ты, Иванова, сейчас дождешься свою бабушку, все ей расскажешь и двинешь домой отсыпаться. Тебя следующие три недели тарасовские убийства волновать не должны. Ясно?

— Ясно, товарищ подполковник. Но ты просто позвони потом, расскажи. Мне же интересно.

— Нездоровые у тебя интересы, Танька.

— Профессиональные.

Но он был прав. Я уже валилась с ног.

Кириянов как раз допил кофе, когда за ним вернулась дежурная машина. А я и младший следователь Гаврилов, приехавший сменить начальника, остались ждать Елену Васильевну.

Тем временем на улице уже почти рассвело. Город оживал. Первые солнечные лучи осветили стену здания магазина, и я увидела, что кошка, которая ночью казалась черной, на самом деле светло-серая, почти белая. Она шла по карнизу в обратном направлении по каким-то своим кошачьим делам.

* * *

Было уже далеко за полдень, когда я наконец проснулась — совершенно разбитая, как это бывает после долгой бессонной ночи. В приоткрытую балконную дверь врвался свежий прохладный воздух и какой-то раздражающий звук, который я сначала приняла за работающий соседский телевизор.

С трудом разлепив веки, я поняла, что звук раздается внутри квартиры, и даже ближе, чем я думала — с тумбочки у дивана. Телефон.

Кириянов, что ли? Нет, номер незнакомый.

Я нехотя ответила на звонок.

— Слушаю, — голос вышел неожиданно хриплым, пришлось откашляться.

— Добрый день. Это Татьяна Иванова?

— Да, — садясь на одеяле, ответила я.

Кофе бы! Без кофе я не воскресну.

— Я бы хотел воспользоваться вашими услугами детектива, — голос был мужской. Глубокий и солидный. Я бы сказала, холеный. — С вами можно встретиться?

Я замялась.

— Понимаете, в данный момент у меня отпуск. Если ваше дело может подождать три недели, то я бы согласилась вам помочь. Но если что-то срочное, вам лучше обратиться к кому-нибудь еще.

— Мне порекомендовали вас.

— Кто?

Голос назвал имя очень солидного заказчика, для которого я несколько месяцев назад разоблачила группу сотрудников, обворовывавших его фирму.

— Простите, а с кем я говорю?

— Это Борис Михайлович Качанов. Вам знакомо мое имя?

Еще бы оно не было мне знакомо! Владелец заводов, газет, пароходов, а именно: крупного строительного холдинга, который отгрохал на востоке города целый микрорайон стильных высоток. Ну и депутат Государственной думы, как водится.

Я вздохнула.

— Борис Михайлович, конечно, я знаю о вас. Но, боюсь, в данный момент мне не удастся вам помочь. Дело в том, что я не просто так взяла отпуск. Было очень много работы в течение года, и я очень устала. От меня не будет много пользы, поймите.

В трубке воцарилось молчание. Я ожидала, что меня начнут уговаривать более жестко — влиятельные люди не любят, когда им отказывают, но в голосе Бориса Михайловича вдруг послышались еле сдерживаемые слезы.

— Пожалуйста, подумайте. Вряд ли мое дело займет много времени, если то, что мне о вас рассказывали, — это правда. А я потом компенсирую вам расходы на отдых.

Во мне шевельнулась жалость. Я попыталась ее отогнать, вспомнив, что собиралась потратить неделю перед отлетом на всевозможные удовольствия, но против своей воли сказала:

— Хорошо, я могу с вами встретиться. У меня неделя перед вылетом. Если дело не потребует большего срока, я подумаю над своим участием в нем.

— Давайте встретимся в кафе «Эльф» на Тимирязевской. Знаете, где это?

— Да, на окраине, в вашем микрорайоне. Погодите. Это же детское кафе.

— Это мое кафе. Там есть кабинет, где нам никто не помешает. Держу для таких случаев. В пять часов вам удобно?

Я мельком глянула на часы.

— Подойдет. Но мне нужно знать, о чем речь.

Голос влиятельного человека опять задрожал:

— Об убийстве, о котором вы наверняка уже слышали. Я все объясню при встрече, — и он повесил трубку, очевидно, боясь дать слаbinу и разрыдаться.

Я медленно положила телефон на одеяло. О каком убийстве я должна была уже услышать?

На часах было начало четвертого. На то, чтобы проснуться, собраться и выехать из дома на встречу, у меня оставалось чуть меньше часа. Я приняла душ и сварила себе кофе.

Аромат «Гватемалы Антигуа», с ореховыми и шоколадными нотами, заполнил квартиру и заставил меня окончательно проснуться и почувствовать себя живым человеком. Я медленно сделала первый глоток и включила ноутбук.

Мне хватило открыть всего один новостной сайт, чтобы понять — дело, за которое меня толь-

ко что попросили взяться, вряд ли займет неделю. Я пробежалась по статье глазами и включила телевизор. Блок новостей после рекламы начался как раз с интересующего меня сюжета.

— Известная актриса Марианна Белецкая, звезда сериалов «Цена жизни» и «История без героя», была найдена мертвой сегодня утром в своем родном городе Тарасове. Возбуждено уголовное дело по статье «Убийство». Как нам сообщили в местном отделении полиции, тело женщины нашли на пороге квартиры ее матери. По предварительным данным, актрисе было нанесено несколько колото-ножевых ранений. В данный момент место преступления оцеплено, ведется следствие. Известно, что Марианна Белецкая, уже несколько лет проживающая в Москве, прибыла в Тарасов на похороны своей матери и должна была сегодня вернуться в столицу.

— Обалдеть, — прошептала я и быстро набрала Кирьянова.

— Долго же ты ждала, чтобы мне позвонить, — вместо приветствия сказал Владимир Сергеевич, — я думал, с утра телефон оборвешь.

— Я только проснулась. Ты на убийство Белецкой тогда уехал?

— Да, но мы тогда не знали еще, кто она. На месте выяснилось. Ты не переживай. Тут дело ясное. Она с любовником приехала, соседи слышали, как они повздорили, а утром мужик из соседней квартиры с ночной смены возвращался, ну и нашел ее. Колото-резаные по всей груди. Все ступени кровью залиты. Я давно такого не видел. Сумки нет, денег нет, квартира нараспашку. Ну, и любовника, понятное дело, след простыл. Ищем.

— Все прямо так просто? — усомнилась я.
— Ты про бритву Оккама слыхала?
— Ой, кто про нее не слыхал.
— Самый очевидный ответ в девяноста девяти процентах случаев и есть самый правильный.

— Что-то твоя бритва часто дает сбой, если учесть, сколько дел я вела за всю жизнь.

Кириянов сказал что-то в сторону своим коллегам и вернулся ко мне:

— Тебе тут делать нечего, все уже, считай, раскрыто. Наслаждайся отдыхом и следи за новостями. Скоро твой друг Кириянов раскроет громкое дело и станет звездой федерального эфира.

— Ну не знаю... — протянула я, подумав о недавнем звонке.

Интересно, какая связь между местным строительным воротилой и мертвой столичной штучкой?

— погоди, — напрягся Кириянов, — тебе что-то известно?

— Пока не знаю. Врать не буду.

— Иванова, не юли.

— Я не юлю. Лови своего любовника. Если будет что-то для твоих ушей, ты об этом узнаешь.

— Как бы то ни было, не теряй времени. Тут верняк. Мы уже все вокзалы и выезды из города под контроль взяли. Его поимка — дело времени.

Я отключилась и вернулась к ноутбуку, чтобы найти биографию Марианны Белецкой. Первый же сайт выдал основную информацию.

Марианна Белецкая, 25 лет, родилась в Тарасове. Росла с матерью-одиночкой до 21 года. Окончив Тарасовский государственный университет по специальности «маркетолог», подалась в столицу. ■

Работала на двух работах, снимала квартиру с двумя подружками. С детства мечтала стать актрисой и в свободное от работы время ходила на кастинги, снималась в массовке известных телепередач. На одном прослушивании ее заметил продюсер сериала «Цена жизни» и пригласил на маленькую роль. Изначально роль была маленькой, проходной — Марианна играла выпускницу юрфака, которая работала помощником у главного героя — адвоката. Но ее игра так понравилась создателям сериала, что участие девушки в сезоне продлили, а образ персонажа был расширен и впоследствии стал одним из главных. Добившись популярности, Марианна начала получать приглашения в другие проекты и даже снималась в полнометражных лентах. С исполнителем главной роли в сериале — Юрием Семеренко — у начинающей актрисы завязался роман.

Какая знакомая, банальная история — невольно усмехнулась я. Золушка приезжает из провинции в столицу и находит все то, о чем мечтала в своем бедном голодном детстве.

Интересно, о чем журналисты не знали и чего не написали? А может, Марианне действительно удалось поймать удачу за хвост?

Тут же рядом с текстом была размещена галерея ее фотографий. Даже мне — человеку, который редко находит время, чтобы посмотреть сериалы, — трудно было не узнать лицо, которое глядит на тебя с множества рекламных биллбордов. Кукольный овал сердечком, небольшие, словно припухшие губки, пышные кудри гречишного цвета, с мягким медным отливом. Естественная, хрупкая, еще не

тронутая хирургами красота. Бесконечно жаль, что она никого больше не сможет радовать.

Я мельком глянула на часы и обнаружила, что пора собираться, если я не хочу опоздать. Прочитать биографию актрисы подробнее можно и потом — если вообще возникнет надобность. Кирьянов вроде справляется со своей работой и взял надежный след.

Для встречи с Качановым я выбрала классические голубые джинсы, любимую шелковую блузу мятного цвета и светлый летний пиджак. Сдержанно, но элегантно. Каблуки решила не надевать — заказчик должен видеть, что я отношусь к своей работе серьезно. Подойдут обычные лодочки-балетки.

Укладывая волосы перед зеркалом, я подумала, что на самом деле мне жутко хочется, чтобы Кирьянов был прав и убийцей оказался сбежавший парень. Все-таки отдых был мне просто жизненно необходим.

Бодрящий эффект кофе уже прошел, и усталость опять наваливалась на меня медведем, словно я не спала три месяца. В сущности, если не понимать фразу слишком буквально, так оно и было.

Я отметила, что выгляжу неважно — круги под глазами, потухший взгляд. Следы моего преступления перед организмом — недосыпов, перекусов на бегу, избыточного поглощения кофе — все отпечаталось на лице как улика.

Шагая к машине, я набрала номер своего любимого салона и упросила менеджера найти для меня окошко у косметолога и массажиста.

— Я перезвоню вам, — пообещала девушка.

Ну, хоть что-то.

Выезжая в сторону микрорайона Лесной, который в народе за высоту многоэтажек уже успели окрестить «Манхэттеном», я не учла пробки из-за ремонта дороги и подъехала к кафе с пятиминутным опозданием.

«Эльф» представлял собой современное одноэтажное здание с высокими панорамными окнами, спрятавшееся в тени новых высоток. В это время дня в заведении было много посетителей — детей всех возрастов и их мам, скучающих за своими смартфонами, пока чада резвились в игровой комнате или поглощали мороженое.

Едва войдя, я даже растерялась на секунду среди этого птичьего щебета детских голосов, но ко мне быстро подбежала девушка-администратор.

— Добрый вечер, — поздоровалась я. — У меня тут встреча назначена с Борисом Михайловичем.

— Добрый вечер. Идемте за мной, вас уже ждут.

Мы быстро обогнули игровой зал, лавируя между бегающими малышами, и миновали ряд столиков. За перегородкой, уставленной горшками цветов, обнаружилась дверь. Девушка открыла ее, пропустив меня вперед.

Я оказалась в небольшом кабинете, где стояли широкий стол и два дивана с мягкими высокими спинками. Окон в помещении не было, а в дальнем углу по правую руку от входа имелась еще одна дверь. Комната для конфиденциальных встреч, из которой можно легко уйти в случае необходимости.

За столом, чуть склонившись над чашкой, сидел крупный, дородный мужчина лет пятидесяти пяти,

который при нашем появлении повернул голову в мою сторону, едва кивнул и указал на диван.

Я поздоровалась и села напротив него. Тут же непонятно откуда у стола материализовался молодой человек в дорогом костюме, который сидел на нем идеально, как на манекене, — я даже засмотрелась. Он устроился рядом с Борисом Михайловичем и достал блокнот.

— Вы моложе, чем я думал, — сказал мой визави, — но думаю, в вашем деле главное — это не возраст.

— Совершенно верно.

— Борис Михайлович, что-нибудь принести? — спросила администратор.

— Ах да, — спохватился мужчина, — что вы хотите? Чай? Может быть, что-нибудь спиртное? Не знаю, удобно ли вам предлагать.

— Только кофе, — попросила я, обернувшись к девушке, — покрепче, если можно.

— А мне, Кристина, принеси еще чашку чая, будь добра. — Борис Михайлович бегло посмотрел на молодого человека:

— Ваня?

— Мне ничего не надо, — махнул тот девушке, и она тут же скрылась за дверью.

— Это мой личный помощник Иван, — пояснил Борис Михайлович, — он в курсе всего... этого... Если согласитесь помочь, то наши дела большей частью будем вести через него.

Я молча кивнула.

— Не знаю, с чего начать. С чего обычно начинают такие беседы?

— Скажите, речь идет об убийстве Марианны Белецкой? — спросила я.

Качанову хватило сил только чтобы кивнуть. Он уперся локтями в стол и прижал кулаки к сжатым губам, пытаясь взять себя в руки. Но несколько слезинок все равно выкатилось на пальцы.

— Это моя дочь, — наконец смог выдавить он и, закрыв глаза, молча дал волю слезам.

Не скажу, что эта информация меня поразила. Такая мысль приходила в мою голову, пока я ехала на встречу, и было время подумать. Если речь идет об убийстве молодой девушки и собеседник уже в телефонном разговоре выказывает такие сильные эмоции, значит, дело в очень близких отношениях. Либо любовница, либо родственница. Девушка жила в Москве, а не в Тарасове. Любовницу можно и поближе найти. Я приехала, ожидая услышать именно то, что услышала.

— Простите, — сказал Борис Михайлович, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

На запястье сверкнули тяжелым блеском дорогие часы. «Патек Филип» — машинально определила я.

— Ничего. Я понимаю.

— Ее зовут не Марианна. Звали... Это псевдоним, который она взяла, чтобы сниматься в кино, — начал отец свой горестный рассказ, — а настоящее ее имя Алена Каменцева. Она росла со своей матерью, и я долго не знал о ее существовании.

— Как это получилось?

— Понимаете, — Качанов замялся, — в молодости я, что называется, был мажором. Так, кажется, принято говорить. К слову, я не горжусь тем, о чем расскажу сейчас, но что было, то было. Мой

отец в начале девяностых был крупной фигурой в областном правительстве, уважаемым человеком. Деньги в семье водились. И немалые. Не буду вдаваться в подробности, но передо мной были открыты все двери. Я окончил Московский инженерно-строительный институт и, вернувшись в Тарасов, долгое время вел разгульный образ жизни. Работать я устроился в строительную компанию своего дяди, а в свободное время веселился как мог. С матерью Алены я познакомился на какой-то дискотеке. Это было легкое проходное увлечение — для меня. Для Нины же все было серьезно. Она была студенткой-второкурсницей. Я даже не вспомню сейчас, где она училась, но точно знаю, что она числилась на вечернем отделении — днем работала, помогала родителям. Ну вот — все у нас завертелось...

В этот момент девушка-администратор принесла чашки — одну, большую, для Бориса Михайловича, и вторую, поменьше, для меня.

Я сделала глоток. Кофе был отличным, замечательно крепким. Качанов добавил в чай пару кусочков кускового коричневого сахара и помешал ложечкой.

— Я никогда не относился к нашим отношениям серьезно. Это было просто легкое увлечение. У меня было много девушек, иногда даже одновременно. Я никогда не задумывался о последствиях. Мне казалось, жизнь — сплошной праздник. Так получилось, что Нина забеременела. Она пришла ко мне, надеясь, что я, узнав об этом, сделаю ей предложение, но я, естественно, предложил найти врача. В те годы аборт уже не был проблемой, и я считал, что это лучший выход из сложившейся си-

туации. Жениться я не хотел, конечно. У меня была веселая жизнь, от которой я не хотел отказываться, да и мне казалось, рано для брака. Родителям моим Нина не нравилась — она была из простой рабочей семьи. Мать и отец у нее пахали с утра до ночи на авторемонтном заводе, а я — белая кость. У нас на даче по выходным весь интеллигентный цвет города собирался. Танцы, сигары, разговоры о психологии и эзотерике. Конечно, родители велели мне порвать с ней и забыть. Я последовал их совету и предложил Нине сделать аборт. До сих пор вспоминаю, с каким ужасом она смотрела на меня, когда я предлагал обратиться к знакомому гинекологу. Женщины умеют так смотреть — словно внезапно видят все черное в тебе, и ты сам в этот момент начинаешь это видеть. Мне стало не по себе. Я потом часто видел это взгляд, пока за ум не взялся. Но Нина — ее глаза мне даже снились. Она расплакалась, ушла, хлопнув дверью. И я с облегчением забыл о ней. Прошли годы. Я остепенился, женился — родители сосватали мне дочку своих друзей-бизнесменов. К тому моменту я уже столько перепробовал женщин — простите, — что мне было все равно. Годы шли. Я вырос на фирме дяди до позиции коммерческого директора и подумывал об открытии собственного бизнеса. Мне было уже под тридцать. Я понимал, что начинаю уставать от бесконечных попоек и вечеринок. Мне хотелось возвращаться в свой дом, и чтобы на столе был ужин, чтобы дома меня кто-то ждал, понимаете.

Я понимала. Такие истории мне рассказывали регулярно.

— Ирина была хорошей женой, и я даже испытал облегчение, женившись. Хоть особых чувств меж-

ду нами и не было. Наш брак был подобием тому, что в старину на Руси процветало — когда родители сами сговаривали детей и те просто принимали их решение. Стерпится, слюбится. Так и получилось. Ира была ласковой, верной, обаятельной. Мне было приятно показывать ее друзьям, она всем нравилась. Наверное, мы были счастливы, как бывают счастливы молодые пары. Детей вот только у нас не было. Не успели. Спустя два года после свадьбы Ире поставили диагноз — неоперабельный рак легких. Она сгорела за полгода. Я даже не понял, как это произошло, — она никогда не курила.

Борису Михайловичу тяжело давалось признание. Он говорил быстро, но голос его дрожал.

— Несколько месяцев после ее смерти я приходил в себя. Почти не показывался на работе. Крепко запил. Неделями не выходил из дома и лежал в обнимку с ее шелковым халатом. Я даже сам от себя не ожидал, что буду так переживать смерть жены. Так с тех пор и холост.

Он помолчал и сделал несколько глотков, допив содержимое чашки.

— А как вы узнали о дочери? — спросила я.

— Я никогда не пытался найти Нину после того, как она ушла от меня. Не пытался узнать, что стало с ней и ребенком. Думал, она все же сделала аборт, потому что растить ребенка в одиночку ей было бы трудно. Мне казалось, если я не буду об этом думать, случившееся просто сотрется из памяти и моей жизни. Но примерно через год после Ириной смерти я встретил Нину в городском парке. Это была случайная встреча, я в тот день просто решил сократить путь до офиса и подумать — мне предстояло

заклучить одну важную, но рискованную сделку, и я хотел поразмышлять над ней в одиночестве на свежем воздухе. Так получилось, что Нина просто шла мне навстречу с дочкой. Не знаю как, но я сразу понял, кто эта девочка. А Нина сразу узнала меня, и по ее испуганному взгляду я заключил, что она ничего не говорила ребенку обо мне. У меня сердце заколотилось так, что я чуть не выплюнул его. Девочке было восемь лет. Дешевое пальтишко, потрепанные сапожки, но такое чудесное личико. Такое породистое. Дочка была очень похожа на мою мать. Алена смеялась, что-то рассказывала Нине, размахивала руками, а Нина, не отрываясь, смотрела на меня холодным, железным взглядом. И я понял — мне следует молча пройти мимо. Я так и сделал. Но выкинуть эту случайную встречу из головы уже не мог. Прошло недели три. И я наконец решился. Мои помощники разыскали адрес Нины, и я в один прекрасный день явился к ней с большим плюшевым слонем под мышкой. Она открыла дверь и сказала:

— Я знала, что ты захочешь прийти. Не имею права тебе мешать, но дам тебе с ней увидеться при одном условии — ты не будешь участвовать в ее жизни.

На это я уже не мог согласиться. Но кивнул, решив, что разберусь с ее претензиями позже.

Войдя в квартиру, я поразился бедноте. У меня был загородный двухэтажный коттедж с бассейном, спортзалом и садовыми скульптурами. А моя дочь жила в тесной квартире на втором этаже старого деревянного дома. Там пахло кошками. Обои были ободраны. У них даже не было нормального чайни-

ка — Нина почему-то пользовалась самодельным кипятивником.

Я прошел в комнату Алены. Единственное достоинство того убогого жилья состояло в том, что у нее была просторная комната с большим окном. Был солнечный день, и свет буквально затопил все пространство. Было очень светло. И посреди этого света за письменным столом сидела она. Помню, как солнце играло в ее рыжеватых кудряшках, и казалось, это не волосы, а какой-то небесный ореол. Сгорбившись над тетрадью, она делала уроки. Кровать, шкаф, несколько книжных полок, половичок из лоскутков на полу. Нина изо всех сил старалась сделать ее жизнь уютной, хоть у нее и не было возможности. Я, взрослый здоровый мужик, едва не заплакал, увидев это. Годы их жизни в этот момент просто встали передо мной. Сердце заныло от осознания того, что я невольно стал причиной того, что их существование было столь жалким. Вряд ли у Нины было много возможностей устроить свою жизнь из-за статуса матери-одиночки.

— Родители где? — спросил я, обернувшись в дверях комнаты, и Нина ответила:

— Умерли.

Я вошел, положил этого дурацкого слона на кровать. Дочка обернулась удивленно и испуганно, но увидела, что мать стоит в проеме двери, и просто спросила:

— Вы кто?

А у меня слова застряли в горле.

Нина сказала:

— Это твой отец.

И глаза Алены распахнулись, стали круглыми. Она смотрела на меня, не зная, что ей делать. И я тоже не знал.

В тот вечер Нина поставила условие — я даю денег только на дочь, вижу с ней за пределами ее дома максимум раз в две недели и не пытаюсь ничего отсудить. Я бы и не пытался. В тот вечер мне хотелось оставить там все свое состояние, но Нина много не взяла. Я уговаривал, объяснял, что их жизнь теперь изменится, что я страшно виноват и готов взять на себя ответственность за прошлые ошибки. Но женщины бывают такими гордыми. Она уперлась — нет, нет, ничего не надо. Только девочке на еду и одежду. Она не хотела меня снова пускать в свою жизнь. Нина постарела. Ничего в ее лице и фигуре не напоминало о той девушке, с которой я когда-то завел роман. Я понял, что сломал ее тогда, девять лет назад, и она мне этого никогда не простит.

Борис Михайлович помолчал, глядя в чашку. Мне казалось, ему очень трудно смотреть мне в глаза, потому что он боялся увидеть в них осуждение. Мальчик Иван тоже смотрел куда-то в сторону, водя ручкой по пустому листу блокнота. Ему явно было неловко присутствовать при откровенных излияниях железного начальника.

Я спросила:

— Если мать Алены настаивала на минимальной помощи, как так получилось, что девочка оказалась в Москве и сделала карьеру? Не без вашей же помощи?

— Конечно, не без моей. Я никогда не относился к словам Нины серьезно. Когда мы с Аленой

встречались, я баловал ее как мог. Но пока дочь была маленькая, мы с ней это не афишировали. Просто гуляли, ходили в кино, я покупал ей вещи, сладости, игрушки. Отделал для нее большую комнату в своем доме, где она оставляла большую часть этих подарков. Алена не хотела расстраивать мать. Она была очень умная и правильная девочка, бесконечно преданная Нине. Ей хотелось жить лучше, хотелось воспользоваться моими деньгами, возможностями, но она понимала, что это ранит маму. И до поры до времени терпела эту бедную жизнь. Когда она была подростком, мы с ней договаривались — Алена хорошо учится, поступает в любой вуз, какой выберет — с моей помощью или без, — и рано или поздно переезжает в столицу. Там я смогу ей помогать, и, в конце концов, она уже будет совершеннолетней. Не все же жить по материнской горделивой указке. Знаете, Алена стала моим вдохновением и талисманом. У меня все стало получаться — бизнес начал расти, прибыль увеличиваться. Я словно обрел новые крылья рядом с ней, как бы пафосно это ни звучало.

— А потом Алена закончила школу, университет и переехала в Москву, — продолжила я.

— Она всегда хотела быть актрисой. Когда дочь бывала у меня, она постоянно смотрела фильмы на домашнем кинотеатре. Но Нина и слышать об этом ничего не желала. Стоило завести разговор о театре или кино, и она начинала истерически орать — мол, в этой среде одни содержанки да шлюхи, а она не для того дочь растила, отдавая последнее, чтобы из нее вышло что-то столь беспутное. Алена приняла эту позицию матери, хоть я и убеждал ее решать са-

мой, кем быть. Она поступила в Тарасовский университет, выучилась на экономиста. Я предлагал ей любой другой факультет и университет. Мне казалось, это мелко для нее, я хотел, чтобы у нее было все. Думал заинтересовать ее своей сферой и в будущем, может, передать ей управление компанией. Но она говорила, что это убьет мать. Нина была слишком озлоблена на меня и на весь свет. Я понимал, в чем причина такого взгляда на жизнь, но никак не мог простить ей, что она пытается заставить дочь жить ее несчастной жизнью, когда у той был шанс стать успешной и счастливой. По окончании университета Алена решила наконец отлепиться от матери и переехала в Москву. Я снял ей хорошую квартиру.

— Вы уже не скрывали от Нины свою помощь дочери?

— Когда Алена переехала в Москву, Нина поняла, что мое участие в жизни девочки было куда более значительным, чем мы договаривались. Она звонила мне, ругалась, кричала в трубку, что я забрал у нее жизнь, а теперь лишил и дочери. Никакие разумные доводы не могли убедить ее пересмотреть свою позицию, внять голосу рассудка. Она пыталась давить и на Алену, но дочь, слава богу, решила, что достаточно сделала для матери и ее обиды.

— А Нина?

— Оставшись одна, она начала пить. Нина вообще гораздо раньше начала сдавать. В сорок лет уже выглядела как старуха. Не пыталась продвинуться на работе, хотя возможности были. Растеряла всех друзей. У меня было ощущение, что это один непрекращающийся спектакль на тему «Как ты сло-

мал мне жизнь». Она эту свою роль жертвы до дна испила, словно ничего больше не было хорошего. Словно и Алены не было.

— Насколько я понимаю, мечту о кинематографе Алена не оставила?

— Не оставила. Она пыталась заниматься маркетингом, устроилась в рекламное агентство. Но я видел, что ей хочется совсем другого.

Я вспомнила историю из интернета, которую читала несколько часов назад:

— И она стала ходить по кастингам, где ей наконец повезло.

— Да бог с вами, не было никаких кастингов. Я просто воспользовался московскими связями. Девочку приняли в сериал по протекции хорошего режиссера, моего друга. Естественно, не за бесплатно. Но деньги для меня не имели значения. Это мы с ее продюсером потом биографию для СМИ сочинили. Имя придумали другое, она даже паспорт поменяла. Я понимал, шила в мешке не утаишь, но не хотел, чтобы журналисты сразу докопались до ее бедного детства. Да и она сама словно хотела стать другим человеком. Не отречься от прошлого, но попробовать пожить другой жизнью. И Алена не ударила в грязь лицом. Вы, наверное, и сами смотрели сериалы, в которых она снималась. Она прекрасно делала свою работу. Может, потому что почти не притворялась — играла словно саму себя, вдохновенно. Предложения посыпались на нее как из рога изобилия.

— Что же произошло, Борис Михайлович? — спросила я как можно мягче. — Как так получилось, что мы сейчас сидим с вами здесь и разговариваем?

Качанову опять стоило больших усилий не заплакать. Рассказывая о жизни Алены, он словно забыл о происшедшем, и вот теперь я возвращала его к печальной реальности.

Он откинулся назад и шумно выдохнул, пытаясь успокоить дрогнувший голос:

— Я не знаю. Алена была неконфликтным человеком. Конечно, на съемочной площадке всякое могло случиться, но у нее не было врагов или серьезных недоброжелателей. Так, мелкие завистники. Дорогу она никому серьезно не перебегала.

— Вы так уверенно об этом говорите, но ведь могло что-то произойти, о чем она вам не рассказывала. Все-таки вы здесь, а Алена там.

— Я очень серьезно подошел к вопросу ее безопасности. Шоу-бизнес, кино — эта сфера полна всякой грязи. Я нанял охрану, которая была с дочерью ненавязчиво, но постоянно. Новые контакты отрабатывались — друзья, коллеги, соседи. Никого подозрительного в ее окружении не было.

— А что за охрана?

— Два крепких парня. Бывшие спецназовцы. Дело свое хорошо знают.

— Охрана была при ней круглосуточно?

— Да нет, конечно. Алена была против, да и я не хотел быть тираном, контролирующим каждый шаг. Конечно, они сопровождали ее днем, но на пятки не наступали. Я сначала заставлял их дежурить по ночам под окнами ее квартиры, но Алена быстро это пресекла. Она жила спокойно, и ей не хотелось, как она выражалась, «жить параноиком». Да и не было в этом необходимости, как мне казалось. Все было спокойно.